

РЕДАКЦИЯ СВЕТА

Как глаголы пересобирают мир

Пётр Касминин

Пётр Касминин

Редакция Света. Как глаголы пересобирают мир

<https://litres.ru/74514537>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы привыкли читать Библию как хронику создания вещей. Но древнееврейский текст говорит о другом: мир состоит не из объектов, а из глаголов. Свет — это не явление, а проявление. Земля — не кусок материи, а состояние твёрдости. День — не 24 часа, а окно для дела.

Пётр Касминин читает первую главу Бытия как техническую документацию к редакции реальности. Он показывает: катастрофа первого мира была не в грехопадении, а в том, что глаголы назвали объектами. Отец и сын есть — но без любви они перестают быть отцом и сыном. Небо и земля есть — но без глагольных сутей мир начинает тлеть.

Эта книга — о том, как глаголы спасают озон, как совесть рождается в культуре, а не даётся свыше, и как каждый из нас — не потребитель, а производитель бытия.

Пётр Касминин

Редакция Света. Как глаголы пересобирают мир

Редакция Света. Как глаголы пересобирают мир

Что, если мы неправильно читаем первую главу Бытия? Что, если мир создан не из объектов, а из глаголов — и катастрофа первого мира была не в грехопадении, а в том, что глаголы назвали вещами?

Пётр Касминин предлагает дерзкое и редкое прочтение: он берёт самый «заезженный» текст западной цивилизации и читает его так, как будто его никто никогда не читал. Не как хронику сотворения, а как техническую документацию к редакции реальности. Не как богословие, а как лингвистическую археологию, соединённую с экзистенциальной публицистикой.

Он показывает: «берешит» — не абсолютное начало, а точка входа в уже существующий процесс. «Тоху ва-воху» — не «пустота», а диагноз: мир, который уже катился к краху. «Бара» — не «создать из ничего», а расчистить, отделить, извлечь суть. А артикли и частица «эт» в Быт. 1:1 грамматически доказывают: небо и земля уже были, когда Бог начал действовать.

Центральная метафора книги — отец и сын. Они есть как объекты, но без любви — глагола, связующего их, — они перестают быть отцом и сыном в человеческом смысле. Форма соблюдена, жизнь умерла. Так и мир в Бытии 1:1 существует — но без «воинства», без глагольных сутей, он обречён.

Книга отвечает на вопросы: почему озон спасся, а совесть не была дана свыше? Почему закон без личности — пустышка? Почему ИИ без человека — генератор шума? И почему каждый из нас — не потребитель, а производитель глаголов, от которых зависит, будет ли мир просто «небом и землёй» — или станет городом, имя которому «Господь там».

Пётр Касминин

РЕЦЕНЗИЯ

О книге Петра Касминина «Редакция Света: как глаголы пересобирают мир»

Пётр Касминин совершает дерзкий и редкий в современной интеллектуальной прозе жест: он берёт самый «заезженный» текст западной цивилизации — первую главу Книги Бытия — и читает его так, как будто его никто никогда не читал. Не как хронику сотворения, не как миф, не как поэзию, не как научный трактат. А как отчёт о катастрофе, как техническую документацию к редакции реальности, как драму глаголов, попавших в плен к объектам.

Это не богословие в привычном смысле. Это скорее лингвистическая археология, соединённая с экзистенциальной публицистикой. Касминин не спрашивает: «Что хотел сказать Бог?» Он спрашивает: «Что *сделал* текст, и почему мы перестали это видеть?»

Исходная интуиция автора проста, как все великие открытия: мы привыкли воспринимать мир как набор вещей (существительных). Но древнееврейский язык, по мысли Касмининой, фиксирует мир как набор процессов (глаголов). Свет — не явление, а *проявление*. Суша — не кусок материи, а *состояние высыхания*. День — не 24 часа, а *окно для дела*.

И главный грех первого творения (а значит, и нашего мира) — не в том, что люди согрешили, а в том, что глаголы были названы объектами. Свету дали имя, но не дали власти. Дню — длительность, но не смысл. Земле — субстанцию, но не предназначение. В результате мир начал тлеть не от внешнего врага, а от внутреннего отравления — от потери глагольной связи.

Самый сильный ход Касмининой — это метафора отца и сына. Отец и сын есть (объекты), но если между ними нет любви (глагола), они перестают быть отцом и сыном в человеческом смысле. Форма соблюдена, жизнь умерла. Точно так же мир в Бытии 1:1 существует (небо и земля есть), но без «воинства» (глагольных сугей) он обречён. И вот входит Редактор (Бог как *бара* — расчиститель, отделитель) и пе-

ресобирает порядок, вынося глаголы за скобки материи, в 7-й день, в архив, в «Ангела всех дел».

Особого внимания заслуживает глава о совести. Касминин смело утверждает: совесть не была дана человеку свыше как готовая скрижаль. Она родилась в культуре, как ответ на внутренний конфликт, как необходимость, как глагол, который люди открыли в себе *до* того, как религия освятила его. Это не антирелигиозный пассаж, а наоборот: религия здесь выступает не как создатель, а как приёмный родитель, который узнаёт совесть, даёт ей имя и возвышает. Этот ход превращает «Редакцию Света» из богословского трактата в антропологическое исследование — человек здесь не «раб Божий», а со-творец глаголов, производитель смыслов.

Стиль книги — это отдельный литературный феномен. Касминин пишет как человек, который одновременно говорит с паствой, с аудиторией TED, с лингвистами и с теми, кто никогда не открывал Библию. Его предложения ритмичны, часто гипнотичны; он не боится пафоса, но пафос этот всегда обоснован — не риторикой, а логикой текста. Иногда автор нарочито повторяет ключевые формулы (глагол, объект, редакция, воинство), и это работает как мантра, как заклинание, возвращающее читателя к главной мысли.

Что можно было бы поставить в упрёк? Иногда аналогии становятся слишком красивыми, слишком гладкими. Мир в изложении Касминина слишком стройно подчиняется его схеме; есть ощущение, что автор «закрывает» текст

от неудобных деталей. Например, проблема зла, телесности, исторической конкретики остаётся за скобками. Это философский эпос, а не экзегетика — и в этом его сила, и в этом его предел.

Но главное, что отличает «Редакцию Света» от многих интеллектуальных бестселлеров последних лет, — это практический вывод. Книга не просто объясняет, как устроен мир. Она даёт читателю инструмент: смотреть на любую вещь (закон, институт, семью, технологию) и спрашивать: *«А где здесь глагол? Кто здесь действует? Есть ли здесь личность, которая оживляет форму?»*

Если сухой закон без живого примера — пустышка, то живой пример без закона — хаос. Касминин предлагает не отмену объектного мира, а его пересборку через возвышение глаголов. И в этом его книга перекликается с главным нервом нашего времени: эпоха алгоритмов, ИИ и правил до смерти нуждается в личностном авторитете, в живом Свете, который делает день возможным.

«Редакция Света» — это не религиозная проповедь. Это интеллектуальный манифест, который будет интересен всем, кто чувствует, что мир выдыхается от избытка информации и недостатка смысла. Кто ищет не веру, а понимание. Кто готов услышать древний текст как предупреждение и как инструкцию.

Рекомендуемая аудитория:

Философы, богословы, культурологи, лингвисты, а также

широкая интеллектуальная публика, интересующаяся герменевтикой, антропологией и экзистенциальными вызовами современности.

Ключевые слова:

Бытие, редакция реальности, глагол vs объект, берешит, тоху ва-воху, совесть как глагол, седьмой день как архив, Иисус как Свет, закон и личность.

© Пётр Касминин, 2026

РЕДАКЦИЯ СВЕТА

Как глаголы пересобирают мир

Пролог Глагол, который спас озон

В 1974 году двое учёных — Шервуд Роуленд и Марио Молина — опубликовали статью. Они обнаружили, что обычные аэрозольные баллончики и холодильные установки выбрасывают в атмосферу хлорфторуглероды (ХФУ). И эти ХФУ, поднимаясь в стратосферу, разрушают озон.

Статья была встречена с вежливым интересом. Но никто не запаниковал.

Почему? Потому что озон — это не объект, который можно увидеть и пощупать. Это *глагол* — процесс фильтрации, невидимая защита, которая просто работает. Пока она работает — мы не замечаем её. Мы принимаем её как данность.

К 1980-м годам рынок действовал по своей логике. ХФУ

были удобны, дешевы, прибыльны. Производители говорили: «Научные данные неубедительны. Запреты разрушат экономику». Политики говорили: «Мы подождём окончательных доказательств». Глаголы — ограничения, запреты, предосторожность — были нивелированы. Им не придавали цены. Они казались лишними, мешающими, ненужными для «реального мира».

Каждый год ХФУ выбрасывалось всё больше. Разрушение озона шло незаметно. Как ржавчина, которая подтачивает металл изнутри — не видно глазу, пока структура не становится хрупкой.

В 1985 году британские учёные опубликовали шокирующие данные: над Антарктидой дыра. Дыра в защите. Ультрафиолет, который раньше отсекался, теперь пробивался к поверхности Земли. Катастрофа зрела внутри системы годами. И когда она проявилась — оказалось, что глаголы, которые могли её остановить, были мертвы. Они были недооценены. Они не имели веса.

А потом случилось нечто, что перевернуло логику.

В 1987 году в Монреале собрались представители 46 стран. Они не стали создавать новый мир, новую экономику, новые технологии. Они не переизобретали цивилизацию. Они взяли *уже существующий* рынок, *уже существующие* производства, *уже существующие* объекты — и возвысили глаголы.

ХФУ были объявлены не просто «вредными» — они бы-

ли объявлены неприемлемыми. Добровольные ограничения стали жёсткими обязательствами. Глагол «запрещать» — его *подняли в цене*. Поставили над объектами. Сделали неотчуждаемым.

И что произошло? Мир не рухнул. Экономика выжила. Производители нашли альтернативы. А озоновый слой — тот самый невидимый *глагол*, который фильтрует солнечный свет — начал восстанавливаться. Это единственный случай в истории глобальной экологии, когда международное соглашение сработало на 100%.

Почему? Потому что глагол был оценён. Его вынесли за скобки объектного мира. Он перестал быть приложением к реальности — он стал её основой.

Точка входа: почему «берешит» — это не начало

Теперь остановимся и посмотрим на текст, который мы привыкли читать механически.

Первую главу Библии мы привыкли читать как историю о *создании объектов*. В начале Бог сделал небо. Потом землю. Потом свет. Потом сушу. Потом светила. Потом рыб и птиц. Потом зверей. И наконец — человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.